

ДѢТИ И ВОЙНА.

Очеркъ К. Чуковского.

(Съ 12 иллюстраціями).



Въ 1980 году уважутъ на какого-нибудь старичка и пощипутъ:

— Онъ помнитъ еще мировую войну!

А теперь этотъ старичокъ — шестилѣтка. Стоитъ гдѣ-нибудь у забора и выливаетъ своей дѣтскій животинкой, степенно и солидно созерцаетъ, какъ въ его родное село въбзжаютъ огромные нѣмцы.

Или, ухватившись за мамкину юбку, хлюпаютъ по вязкой дорогѣ и радуется, что видитъ пожары: они такіе красивые, красивые!

Или хоронится съ сестрами въ погребъ и слушаетъ, какъ бухаютъ орудія.

Или въ комфортабельной дѣтской, среди игрушечныхъ аэроплановъ и пушекъ, рисуетъ въ тетрадкахъ скачущихъ казаковъ и Вильгельмовъ.

Или въ Брюсселѣ дразнитъ германскихъ солдатъ, показываетъ имъ языкъ и кричитъ, что скоро ихъ отсюда погонятъ!

Или въ Парижѣ, на Place de l'Opéra, слѣдитъ, какъ швыряютъ междъ тучъ юркіи нѣмецкіи летунъ.

Или, какъ Пегя Ростовъ, бѣжитъ на передовыя позиціи: „прощайте дорогія родители, я еду собирать россію!“

Все многомилліонное дѣтское царство, въ Европѣ, въ Австраліи, въ Азій, захвачено нѣмъ войной.

Что станется съ этимъ роковымъ поколѣніемъ, вступающимъ среди громовъ и пожаровъ? Какъ поживетъ оно нашъ кровавый посьвъ?

Вѣдь вся эта война — ради нихъ, ради нашихъ будущихъ гражданъ, ради ихъ свободы и радости. Будетъ ли имъ радость, кто знаетъ! Имъ достанутся плоды нашихъ жертвъ; поблагодарятъ ли они насъ за наслѣдство?

Они будутъ нашими судьбами, оцѣнками нашихъ дѣяній. Кто скажетъ, сколько Карамзинныхъ и Ключевскихъ бѣгаетъ теперь въ короткихъ штанишкахъ! Осудятъ или оправдаютъ они насъ? Постараемся, чтобъ оправдали. Ихъ судъ будетъ судомъ исторіи, а это единственный судъ, котораго нужно бояться.

Имъ я посвящаю эти строки.

I. Экзальтація.

Кука разсердился на маму.

— Ты... Вильгельмова дочь! — сказалъ онъ ей медленно, съ болью. Мама и не вообразала догдѣ, какъ свѣрдно онъ ненавидитъ Вильгельма.

Вообще онъ какой-то порывистый. Увидѣлъ въ газетѣ картинку: „типы австрійскихъ нѣмцевъ“ и сталъ ее бить кулакомъ: „противные, противные нѣмцы!“

И безостановочно, ежеминутно сражается — со стульями, столами, комодами, съ собственной тѣлюю, съ собственнымъ отраженіемъ въ зеркалѣ, съ игрушечными Мишками, кулаками. Всѣ Мишки у него перевязаны тряпочками: они ранены, лежатъ въ лазаретѣ.

И достается же стульямъ, когда онъ въ воинственной ярости возомнитъ себя Кузьмою Крючковымъ. Радуются въ разныя стороны подъ ударами сокрушительной сабли!

Онъ мальчикъ одинокій, безъ товарищей. И каждое впечатлѣніе войны воспринимаетъ съ чрезмѣрной страстью. Особенно въ первые мѣсяцы. Это было сплошное торжѣніе. Онъ тогда позеленѣлъ и похудѣлъ. На прошечную дѣтскую душу обрушивались огромными грудями цеппелины, шпіоны, бомбы, фугасы, дредноуты... Вначалѣ онъ говорилъ о войнѣ только шопотомъ, какъ о чемъ-то таинственномъ, — и то только съ матерью, только съ глазу на глазъ, и лишь потомъ осмѣлѣлъ, затрубилъ въ трубу, застучалъ въ барабанъ и завидя офицера на улицѣ, сталъ отдавать ему честь — вшобденно, благоговѣнно...

Экзальтація дошла до болѣзненности. Братъ его пани, солдатъ, уѣзжая въ Варшаву, зашелъ къ нему въ дѣтскую и на прощаніе сказалъ:

— Ты помолднѣе обо мнѣ и обо всѣхъ русскихъ воинахъ.

Мальчикъ ничего не отвѣтилъ, но мама и няня замѣтили, что онъ пыжится подавить въ себѣ слезы. Мама приказала его, и онъ съ рыданіями заявилъ ей, что онъ страшный преступникъ и грѣшникъ, недостойный молиться о воинахъ, такъ какъ дѣломъ, при собираніи коллекцій, убилъ очень много бабочекъ!

Съ такой же чрезмѣрностью обожаетъ онъ Кузьму Крючкова. Это его величайшій кумиръ. Кто-то сказалъ его матери, будто Крючковъ убитъ. Та скрывала это извѣстіе отъ сына, чтобы онъ не заболѣлъ отъ несчастія.

Экзальтированному семилѣтнему мальчику все, что относится къ русскому воинству, кажется священнымъ и божественнымъ. Онъ лежалъ въ постели, простуженный, когда принесли къ нему кружку для сбора какихъ-то пожертвованій. Онъ вскочилъ, поцѣловалъ эту кружку, приложился къ ней, какъ къ иконѣ, и одуевать туда свои завѣтные грошки.

Во время болѣзни не стоналъ и не жаловался:

— И я съ солдатами терпѣю! — радостно шепталъ онъ своей матери.

— Вольно тебѣ?

— Солдатъ не долженъ говорить, если больно.

Нерастеникъ. Чрезчуръ впечатлительный. Когда подарили ему пистолетъ, онъ подбѣжалъ къ географической картѣ и — хлопъ! — выстрѣлилъ, прямо въ Германію.

— Я Вильгельма убилъ! Я Вильгельма убилъ! — завопилъ онъ съ непервой радостью.

Его обычное состояніе — дрожь, лихорадочный военный азартъ. Даже спать онъ идетъ съ барабанами, ружьями, пушками, не хуже того мальчика, что изображенъ у насъ на фотографіи (стр. 950).

Ружья, сабли, барабаны, знамена, носки — теперь единственные игрушки дѣтей...

И въ то время, какъ на нѣмѣ

Въ макахъ вся межа,

Мальчикъ мой принесъ намъ дѣтской

Два багнетные поля.

Это теперь во всемъ мѣрѣ, — въ Лондонѣ, въ Торонто, въ Мельбурнѣ, въ Саратовѣ, въ Иркутскѣ, въ Клязьмѣ. Всякая дѣтская превращена въ арсеналъ. Мобилизована вся мебель, всѣ игрушки. Кажется, если собрать все оружіе, которымъ бряцаютъ сейчасъ наши шестилѣтніе, семилѣтніе воины, то отъ врага ничего не останется: мгновенно будетъ сокрушено и уничтожено. Дѣти не страдаютъ, какъ мы, отъ недостатка снарядовъ. Для нихъ каждая палка — ружье, каждая шапка — снарядъ. По словамъ одного наблюдателя, даже глядя на французскую булку, ребенокъ увлекается мыслью, что это бомба для истребленія нѣмцевъ. („Рѣчь“, 27-го января 1915 г.).

А въ „Русской Школѣ“ я на-дняхъ прочиталъ, какъ маленький мальчикъ хватилъ со стола длинный парижскій хлѣбъ и сталъ имъ выдѣлывать ружейные прѣсмы, восклицая:

— Это ружье! Это ружье! Можно пойти на войну убивать нѣмцевъ!

Даже хлѣбъ превратили въ оружіе!

Что стоитъ купящемуся въ ваннѣ ребенку превратить свой собственный палецъ въ британскую подводную лодку и поглотить въ этихъ мыльныхъ волнахъ огромную нѣмецкую аскадру, состоящую изъ губки и градуеника!

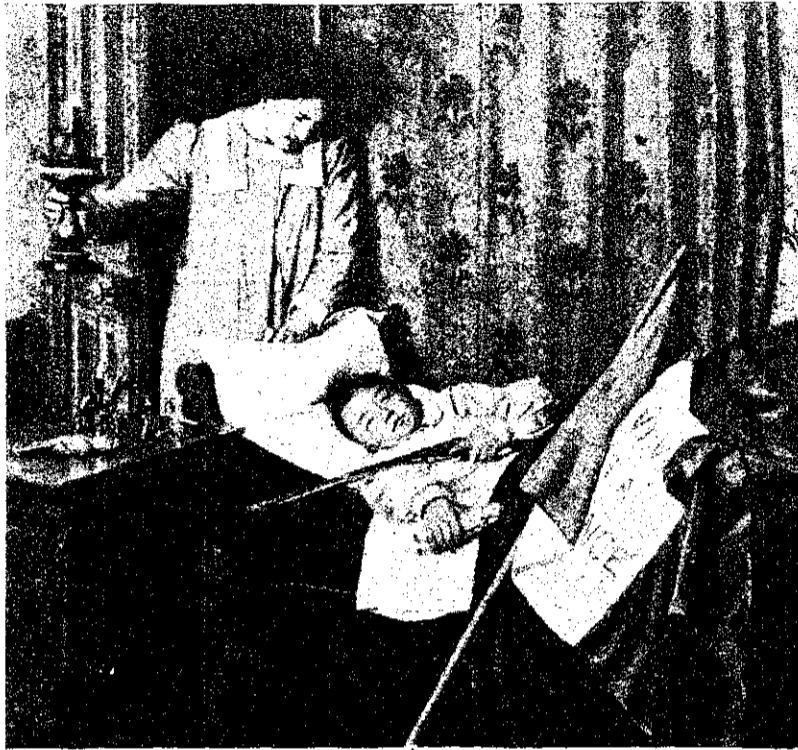
Дѣти вооружены превосходно. Ихъ Крупиковскій заводъ — сама природа. Она поставляетъ имъ, въ качествѣ ядеръ и пуль, словыя цѣлины, свѣчки, камешки, яблони, груши.

— „Мои мальчики цѣлые дни воюютъ, — записываетъ у себя въ дневникъ одна мать. — Крыша новаго чердака ихъ излюбленная позиція, а груши, немощно сердно срываемыя съ дерева, — пули... Сраженіе жаркое. По двору пройти нельзя. Я удивляюсь, какъ они не плачутъ отъ получаемыхъ ударовъ. Чувствую, что здѣсь много вредныхъ моментовъ, и не знаю, какъ на это реагировать. Допустимо ли такое разгораніе страстей? Особенно Сережа возбуждается... Ненависть и злобы въ этой игрѣ много“.

*) „Вѣстникъ Воспитанія“, 1915, IV, 187.



Карманный Волюнтеръ. Крошечный англійскій дѣти съ уморительнымъ достоинствомъ носятъ матросскую и солдатскую форму. Двухлѣтній радовой Джо Арджентъ, изображенный на нашемъ рисункѣ, увѣрилъ, что ему подобаетъ награда: крестъ Викторіи, и потребовалъ недавно у отца, чтобы тотъ взялъ его въ Букингемскій дворецъ въ случаѣ, если король захочетъ его награждать.



Сон современного ребенка: в одной руке — ружье, в другой — солдат; ноги укрыты знаменем.

II. Кто виноват?

Что же делать? Как уберечь этих Кузь и Сереж от такого «разгорания страстей», от нервической ботъзенной ненависти? Хорошо ли это, что шестилетний ребенок жаждет убивать и калечить? Хорошо ли, что он непрерывно живет впечатлениями крови, убийства и злобы?

Что делать отцам, матерям, учителям, воспитателям? Как спасти драгоценные души детей от катастрофических влияний войны?

— Война огрубит их нравы, ожесточит их сердца: — пишет мне одна интеллигентная женщина. — Я стараюсь отвлекать их от войны, так как в этом возрасте они понимают лишь факты, а факты несут только ужас.

Но разве немощным материнским руками заслонить от детей войну? Да и вправду ли он заслоняет от детей вселенское, мировое явление, которым ныне живет человечество? Нужно, чтобы детское сердце было со всем миром, призывало бы исподволь к общечеловеческой жизни, а не коенбло под стеклом, в оранжереях, отгороженное от всех ветров и морозов.

Но как же оградить его от злобы, одичания, огрубения, взвинченности?

Ведь очень больно любящей матери слышать, как ее тринадцатилетняя дочь, начитанная, серьезная Вая говорит своему отцу-доктору:

— И зачѣм ты дѣлалъ этихъ нѣмцевъ!

А Вася, четырнадцатилѣтній, подхвагиваетъ:

— Прописывать бы имъ яду, ей-Богу! А если яду нельзя, то слабительнаго!

И кричитъ въ окно нациентамъ:

— Эй вы, нѣмцы! Бить васъ надо, проклятые варвары!

И это не врагамъ, не солдатамъ, а мирнымъ больнымъ колониатамъ, пришедшимъ къ доктору за лѣкарствомъ и помощью.

Спрашиваютъ этого Васю:

— Что бы ты сдѣлалъ съ нѣмцемъ, если бы онъ попалъ къ тебѣ въ пѣль?

— Вая бы дядинъ револьверъ и убила.

— Но ведь онъ беззащитный, онъ плѣнный... его нужно пощадить, нужно выслушать...

— Нечего выслушивать... бадъ и конецъ!

Бѣдная мать поражена, смущена, слушающая такіа жестока рѣчи своихъ начитанныхъ, кроткихъ, воспитанныхъ, деликатныхъ дѣтей.

Такъ пахарь былъ бы удивленъ,
Когда бы рожь посялъ онъ,
А уродилось бы зерно—
Иа рожь, ни грѣча, ни пшецо,
Ячмень козючий—и при томъ
Наполовину съ дурманомъ!

Она удивлена, какъ это ее милыя дѣти (Вася, впрочемъ, не сынъ, а племянникъ), такіа развитыя, серьезныя, увлекающіяся наукой, ботаникой, читающія Тимирязева, Дарвина, могутъ быть ослѣплены такой простотой, что выбрасываютъ изъ своей библиотеки сочиненія Гете и Шиллера, ежидаютъ старыя нѣмецкія книги, отказываются за утреннимъ кофеемъ отъ обычнаго масла и сливокъ, только потому, что молочное доставляется въ домъ смиренной женой колониста.

— Помилуйте, вѣдь у нея емль на войнѣ, — пробовала возразить воспитательница.

— Вы не можете насъ заставить бѣть нѣмецкое! — кричали ей дѣти заламывая.

Такихъ случаевъ — огромное множество. И все же они не свидѣтельствуютъ о пагубномъ влияніи войны. Есть и другія влияния. Матери ропщутъ напрасно. Жизнь показала наглядно, что ихъ страхи не имѣли резонанса. Все наблюдатели, педагоги, родители единогласно показываютъ, что есть тутъ и благотворное, нужное.

А если не обошлось и безъ таковаго, то часто сами родители и виноваты. Развѣ можно, напримеръ, давать ребенку бульварныя газеты и журналы? Вѣдь дѣтямъ не даютъ же коньяку! Одинъ учитель повѣствуетъ съ отчаяніемъ о какомъ-то очень распространенномъ журналѣ, который дѣти принесли съ собой въ школу, — изъ дому, отъ матерей и отцовъ. Въ этомъ журналѣ онъ прочиталъ не безъ ужаса:

— «Каждому нѣмцу, живущему плече въ Россіи, нужно повѣсить на шею табличку „подлецъ“, чтобы все могли плевать имъ въ харю».

— «Не зачѣмъ дѣлать въ лазаретахъ раненыхъ нѣмецкихъ солдатъ. Когда они умираютъ отъ жажды и просятъ „воды, воды“, нужно давать имъ кагорки; это было бы дѣломъ!»

Какіа низменные, подлыя чувства, столь несвойственныя русской народной душѣ, прививаются впечатлительнымъ дѣтямъ, развращая и нервирова ихъ! А эта пошлая дубочная картинка, такая забубенно-хваставшая, гдѣ выведенъ огромный казакъ, наизавши на длинную пилу десятки корчащихся нѣмцевъ и турокъ, — взрослымъ она только омерзительна, какъ всякая вульгарная ложь, а для дѣтей она приманчиво страшна. Они ее смакуютъ, срисовываютъ. Объ этомъ влияніи на дѣтскую душу удичной дубочной дешевки есть жуткая статейка въ „Русской Школѣ“, которую не лишне бы прочитать матерямъ *).

Впрочемъ, сами матери нерѣдко нервироваютъ и развращаютъ дѣтей, возбуждая въ нихъ нехорошую злобу.

Одна мать съ удовольствіемъ пишетъ:

— «Ненависть къ нѣмцамъ у дѣтей возрастаетъ, вижу, съ каждымъ днемъ. Вотъ сегодня просить исходатайствовать удаленіе изъ гимназій нѣмца и нѣмецкаго языка. Онъ имъ прямо на нервы дѣйствуетъ... Они тутъ все — шпионы. Это фактъ... Если бы у меня не дѣтки эти, я давно бы надъ Берлиномъ бомбы бросала» **).

Можетъ-быть, бомбы бросать она хорошо, но въ воспитательницы врядъ ли годится.

Этотъ возбужденный, лихорадочно-растрепанный тонъ воспитателямъ какъ будто не къ лицу.

Да и добро бы неприязнь къ врагу привела этихъ милыхъ дѣтей къ патриотическимъ жертвамъ и подвигамъ. Но нѣтъ, ихъ патриотическій гнѣвъ выразился лишь въ нежеланіи учиться. Это Митрофанушкинъ патриотизмъ, и только г-жа Простакова можетъ его поощрять.

Результаты такого воспитания уже не преминули сказаться.

Съ болью читаешь въ газетахъ, какъ дѣти во время игры налагаютъ на котовъ и собакъ, воображая, что это германцы, мучать, душить ихъ до смерти.

Характерно, что маленькія дѣвочки, въ своихъ отношеніяхъ къ нѣмцамъ, бывають часто свирѣпѣе мальчиковъ.

— Я бы на полѣ сраженія непременно убила нѣмца.

— А если онъ раненый?

— Добила бы его! („Вѣстникъ Воспитанія“, 1915, II, стр. 25, 26).

III. Ненависть.

Но почему въ этихъ дѣтскихъ баталіяхъ роль германцевъ должны выполнять несчастныя собаки и кошки?

Очень просто: играя въ войну, немногія изъ дѣтей согласятся быть нѣмцами, солдатами Вильгельма.

Я это наблюдаю много разъ.

Средневѣковые актеры, игравшіе въ религиозныхъ мистеріяхъ, тоже нерѣдко отказывались отъ ролей Люцифера и Каина.

Одна дѣвочка величаво сказала:

— Играю въ войну и бываю всегда Россіей.

* П. Нестерова. „Война и учащаяся дѣти“. „Русская Школа“, 1915, январь, февраль.

** „Вѣстникъ Воспитанія“, 1915, IV, стр. 130.

Любо быть Россией или Бельгией, но Германией — ни за что, никогда!

— „Такая как немцем быть никто не желает, то отбивают стулья и кубики!“ — пишет мнѣ об играх своего шестилетнего сына г-жа Т. изъ Опочки.

А г-жа К. (въ Петроградѣ) рассказывает, что ея малолетние войны ехидно пользуются безсловесной покорностью своего двухгодового брата и дѣлаютъ бѣднаго немцемъ, зная, что прогестовать онъ не въ силахъ.

Въ любопытнѣйшей книгѣ „Дѣти и Война“, изданной Киевскимъ Фребелевскимъ Обществомъ, сообщается, что въ киевскихъ школахъ роли распределяются такъ: мальчики — русскіе, а девочки — немцы. Это уже стало обычаемъ. Иначе девочекъ въ игру не принимаютъ! „Мальчики считаютъ позоромъ играть роль непріятеля“ (стр. 99).

Если же и найдется такой отщепенецъ, который приметъ на себя добровольно эту незавидную роль, то кто же поручится, что въ азартъ игры Россія и другія „державы“ не изобьютъ, не изранятъ его!

Въ „Вѣстникѣ Воспитанія“ рассказывается, какъ такому ребенку, истрившему немца, дѣти выбили (?) руку, раскровянили палецъ, и не позволили сестрѣ милосердія перевязать его рану: — Потому что онъ немецъ!

И какъ заволновался въ кинематографѣ маленький Витя, когда ему въ шутку сказали, что онъ купилъ себѣ немецкій флажокъ!

Конечно, грѣшно прививать дѣтскому сердцу жестокость, но въдѣ этимъ вліяніе войны не исчерпывается. Дѣти, требующія отравленія немцевъ, слава Богу, исключеніе, а не правило. Изъ дальнѣйшаго читателя увидитъ, сколько возвышенныхъ, очаровательныхъ чувствъ вызвала въ дѣтяхъ война. Она породила въ ихъ душахъ больше любви, чѣмъ свирѣпости. Она не только не огрубела ихъ нравы, но, напротивъ (какъ это ни дико звучитъ), смягчила, облагородила ихъ. А если подѣ вліяніемъ вульгарныхъ газетныхъ статей, дубочныхъ стишковъ и картинокъ, подѣ вліяніемъ отвратительныхъ воздѣйствій ереды, въ дѣтяхъ и возбуждаются часто недобрый, буйный чувства, распалюющія ненависть, о которой я сейчасъ говорилъ, то и это не такая бѣда, какъ кажется съ перваго взгляда.

Ибо что такое эта дѣтская ненависть къ немцу?

Это ненависть къ какому-то мнѣстическому, отвлеченно-безплотному, легендарному воплощенію зла, столько же похожему на настоящаго немца, какъ дѣтскій Бабай или Буба.

Я сказалъ одному семилѣтнѣ, что его знакомый Федоръ Федоровичъ — немецъ. Онъ изумился: невозможно, немисливо! Вѣдь Федоръ Федоровичъ добрый и ласковый.

— Нѣтъ, онъ не можетъ быть немцемъ; я думаю, — онъ бельгеецъ!

И долго разсматривалъ жестяные часы, которые ему подарилъ Федоръ Федоровичъ.

Ребенокъ скорѣе повѣритъ, что данный немецъ — не немецъ, чѣмъ откажется отъ пріязни къ нему. Не прожвняетъ своей вчерашней любви на внезапную безпричинную злобу. Онъ ненавидитъ какіхъ-то фантастическихъ немцевъ, которыхъ никогда не видалъ *); не людей онъ ненавидитъ, а принципы; увидѣвъ своими глазами измученныхъ плѣнныхъ австрійцевъ, уныло шествующихъ по улицамъ Кіева, онъ возвращается домой удрученный, хотя вчера еще дико кричалъ въ азартъ военной игры, что выколетъ всѣмъ австрійцамъ глаза!

Но, конечно, такая особенность дѣтской души не можетъ служить оправданіемъ для тѣхъ, кто разжигалъ въ мальчикахъ столь нищенныя, жестокия страсти.

IV. Кайзеръ.

Не всякое проявленіе ненависти слѣдуетъ въ дѣтской душѣ подавлять.

Гнѣваться — законное право ребенка.

Ребенокъ, который не гнѣвается, вырастетъ идиотомъ, тупицей.

Гнѣвъ — драгоцѣнное чувство. Что такое была бы вся наша социальная жизнь безъ негодованія, безъ гнѣва, безъ праведной жажды возмездія?

Возмущенное нравственное чувство есть огромная социальная сила, и подавлять ее въ будущемъ гражданинѣ — пельза.

Нужно только, чтобы воспитатель умѣлъ разумно направлять это чувство: обуздывая, регулировать его.

Съ самаго начала войны какъ-то такъ великолѣпно устроилось, что почти все негодованіе дѣтей направилось противъ Вильгельма.

Педагоги этому очень обрадовались.

— „Пока дѣти всю свою ненависть сосредоточили на одномъ Вильгельмѣ, — пишетъ авторитетный

Е. Звягинцевъ. — Этотъ человекъ, при дѣтской склонности одиночворять все зло въ отдѣльной личности, несетъ въ глазахъ дѣтей всю отвѣтственность за войну и ея ужасы. Его бранятъ дѣти всѣхъ слоевъ населенія, на него рисуютъ свои и копируютъ чужія карикатуры, сочиняютъ о немъ стишки, расгвываютъ пѣсенки и проч... Острое чувство непріязни къ Вильгельму еще не распространилось на немцевъ вообще. Вильгельмъ выдѣляется, какъ зачинатель войны. Великую попытку обездѣнить все немецкое по одному лишь тому, что оно немецкое, можно еще отразить умѣлымъ словомъ“.

Найдено отличное русло для дѣтскаго возмущенія и гнѣва, найдены самый подходящій объектъ проклятій, насмѣшекъ и брани.

По нынѣшней мнѣologii русскихъ, англійскихъ, бельгійскихъ, французскихъ дѣтей есть на свѣтѣ ангель и демонъ, духъ добра и духъ зла, король Альбертъ и Вильгельмъ.

Не даромъ самымъ страшнымъ проклятіемъ Куки было: „Ты Вильгельмова дочь!“

Не даромъ маленький сынъ Альбіона расплакался, когда ему въ шутку сказали, что онъ названъ при крещеніи Вильямомъ по имени „кайзера Вилля“. (См. „Times“, 23-го января 1915 г. „Children and the War“).

Любопытнѣйшимъ памятникомъ дѣтской непріязни къ Вильгельму останутся тетрадки нашихъ школьниковъ.

Какъ повѣствуютъ газеты, ученицамъ одной лондонской школы было задано сочиненіе на тему: „Что бы я сдѣлала съ кайзеромъ?“

Отвѣты получились жестокие.

Ученица Эленъ Гарди, тринадцати лѣтъ, сослала кайзера на островъ святой Елены.

Ученица Джэнь Гопли выдернула бы у кайзера его знаменитые усы.

— „Вудъ Вильгельмъ въ моей власти, — пишетъ ученица Мабель Линкольнъ, — я отвела бы его на какую-нибудь улицу Лондона и позволила бы жителямъ отколотить его. Хорошо, если бы было какъ разъ день стирки, и они выбивали бы къ нему на расправу со скалками и катсами“.

По примѣру англійской школы, въ одномъ русскомъ реальномъ училищѣ дѣтямъ предложили подобную же тему, и результаты оказались также же.

Тема, впрочемъ, была названа иначе: „Пожеланія на Новый годъ“, но всѣ дѣти написали о Вильгельмѣ. Вотъ нѣкоторыя изъ ихъ пожеланій:



У раненаго отца въ лазаретѣ, Рисунокъ Ж. Симонъ.

*) Это, конечно, относится только къ очень маленькимъ дѣтямъ.

— „Я желаю бы, чтобы Вильгельма свергнули с престола“.

— „Я желаю, чтобы захворал Вильгельм и его сыновья“.

— „Я желаю сосать Вильгельма на остров святой Елены“.

— „Я желаю Вильгельма удавить, повесить за шее, чтобы он не проливал крови русской“.

— „Германского правителя Вильгельма (недостойно большой буквы) сосать на Сахалин“.

Тягостное наказание, ссылка, смертная казнь, болызня — вот те многообразныя лютыя кары, къ которымъ приговорилъ ненавистнаго кайзера цѣлѣй трибуналъ всего мира.

Самый крошкѣй изъ русскихъ мальчишекъ присудилъ его къ заточенію въ крѣпости. („Вѣстникъ Воспитанія“, 1915 г., апрѣль, стр. 154).

Самая вѣжная изъ английскихъ девочекъ потребовала у него, чтобы онъ отстрелилъ на свой собственный счетъ всѣ разрушенныя или бельгійскія здания.

Впрочемъ, я советую позабыть, что у кайзера есть адвокатъ. Это семилѣтній Володя, увѣряющій шестилѣтняго Витю:

— Вильгельмъ не хотѣлъ воевать. Знаешь, онъ ушелъ въ городъ за покупками, а сыновья его остались одни. Вотъ они взяли и объявили войну.

Но Витю не убѣдишь этимъ доводомъ:

— А что же смотрѣла Вильгельмова мамка? — побѣдоносно возражаетъ онъ.

Этотъ диалогъ я заимствую изъ интересной статьи приват-доцента М. М. Рубинштейна „Война и дѣти“.

V. Неужасные ужасы.

Бѣдный Кука! Его нервы издерганы, его душа измучена койкой! Можно ли, чтобы на семилѣтняго мальчишку свалилось столько кошмаровъ и ужасовъ? Можно ли, чтобы въ такомъ раннемъ младенческомъ возрастѣ мальчишка только и видѣлъ изо дня въ день — на картинкахъ, въ кинематографѣ, вездѣ! — лишь раздавленных, искошенныхъ людей, съ оторванными головами, безъ рукъ! Вѣдь колючи онъ бредитъ, кричитъ.

Да, Кука действительно мальчишка болызненный, а болызненные дѣти здѣсь не въ счетъ. Я хотѣлъ бы говорить лишь о здоровыхъ. Что касается здоровыхъ дѣтей, то, къ счастью, они забронированы крѣпкой броней отъ всякихъ кошмаровъ и ужасовъ. Тѣ впечатлѣнія, которыя мучаютъ насъ, почти не задеваютъ ихъ души, живущихъ фантастично, сказками, играми. Я замѣчалъ съ изумленіемъ, что рассказы о сотняхъ убитыхъ гораздо меньше трогаютъ ихъ, чѣмъ судьба какого-нибудь Кота въ Сапогахъ, или Золушки, или Мальчишка-съ-пальчика.

Ихъ души такъ волшебнымъ устроены, что катастрофическое надъ ними не властно.

Я бы не могъ ни за что безъ содроганія и боли нарисовать поле битвы, убитыя мертвыми и ранеными. А малолѣтній художникъ изготавляетъ какъ ни въ чемъ не бывало, въ одинъ присѣсть, въ одинъ вечеръ, десятки подобныхъ картинъ!



Дѣдушка. — Что ты дѣлаешь?

Мальчикъ. — Я крашу ее въ защитный цвѣтъ (хари).

пушки, корабли, сабли, барабаны. Эти воинственные народы по какимъ-то причинамъ пошли „на войну“ — сражаться, стрѣлять изъ ружей, брать приступомъ крѣпости и города, кричать „ура“, бѣжать за неприятелемъ, нападать, проявлять то тамъ, то здѣсь чудеса силы и отваги. Мальчуганы мало думаютъ о тѣхъ безчеловѣчныхъ, видимыхъ и невидимыхъ жертвахъ, которыя каждодневно приносятъ воюющіе народы. Страданія, лишения и смерть не находятъ постоянного отклика въ наивныхъ дѣтскихъ умахъ и сердцахъ. Ужасные призраки войны скрыты отъ ихъ вниманія той блестящей, красочной и шумной декорацией, которая прежде всего привлекаетъ дѣтскіе взоры. Военные мундиры различныхъ красочныхъ сочетаній, сверканіе оружія, горячіе кони, лихія наездники, блестящія трубы, побѣдные возгласы, кресты и медали, отличающіе храбрѣйшихъ изъ храбрѣйшихъ, — все эта грандиозная и захватывающая вниманіе вѣчная картина войны безъ остатка покрываетъ всѣ мрачныя тѣни, что гнѣздятся въ ея глубинахъ.

Если это такъ, то отлично! Нечего матерямъ волноваться. Дѣтскимъ нервамъ не угрожаетъ опасности. Дѣти по существу драматурги: ихъ и въ войнѣ увлекаетъ лишь театально-драматическое дѣйство, лишь эффектно-показная сторона. Благодушное отсутствіе душевнаго опыта позволяетъ имъ относиться къ самымъ страшнымъ, леденящимъ эпизодамъ войны съ бодрымъ и веселымъ любопытствомъ, словно дѣло происходитъ не съ живыми, а съ оловянными или бумажными солдатами. Слабость симпатическаго воображенія здѣсь оказывается дѣтямъ во благо.

Такъ что если сами взрослые не приложатъ специальныхъ усилій, чтобы распалить и взбудоражить ребенка (живущаго вдали отъ войны), то ужасы военной грозы не задѣнутъ его ни малѣйше.

(Окончаніе слѣдуетъ).

„Героиня“.

Рассказъ Ю. Свируской.

(Окончаніе).

XV.

Теперь совсѣмъ война. Все кругомъ сѣро отъ солдатъ. Однако, почему же они не стрѣляютъ и не дерутся, а такъ только ходятъ?

— Это ужъ логично? Гдѣ же вѣмцы?

Полковникъ хохочетъ.

— Нѣтъ, нервы проволочныя загражденія еще версты за три. Здѣсь только перевязочный пунктъ. А насчетъ вѣмцевъ, этого и вамъ не обидно: ихъ не такъ легко увидѣть. Вотъ и ванъ зарезать. Баронъ, надѣюсь, вы насъ напоите чаемъ? Выдѣшайте, сестрица, прѣхали. Намъ придется здѣсь подождать ночи.

Идемъ по грязному коридору. На полу носилки съ ранеными, ружья, хлѣбны, окровавленные тряпки. На однихъ изъ носилокъ человекъ закрытъ одеяломъ съ головой и не двигается.

— Онъ умеръ?

— Нѣтъ, не думаю. — отвѣчаетъ полковникъ: — просто закрылся, чтобы не видѣть ничего: надобно ему вся эта канитель...

Еще бы! А тамъ другой раненый стонетъ. Подъ носилками на полу цѣлая лужа крови...

— Чего жъ они ждутъ! Почему его не перевязываютъ?.. Посмотрите!

— Да ничего, не пугайтесь. Его сейчасъ понесутъ. Значитъ, тамъ всѣ столы заняты. Говорить докторъ всю ночь перевязывалъ. Идемъ скорѣе навстрѣчу: обогрѣйтесь и успокоитесь. Сразу всегда такъ дѣйствуетъ.

Наверху большая комната съ длиннымъ столомъ, за которымъ хозяйничаетъ сестра. Кинитъ самоваръ, обстановка самая мирная. А тѣ тамъ палаты. Баронъ уже тутъ и дѣловито разговариваетъ съ какимъ-то человекомъ въ бѣломъ халатѣ, измазанномъ кровью; у него измученный видъ, онъ то и дѣло озирается на дверь. Наверно докторъ: тотъ его допрашиваетъ хозяйственными вопросами. Не время теперь. Нилъ бы чай себѣ. Я начинаю его остро ненавидѣть.

Вотъ еще кто-то идетъ... По-моему, генералъ, и сердитый, весь красный. Дай Богъ, чтобы меня не замѣтилъ.

— Докторъ, я къ вамъ. Пожалуйста-ка мнѣ сплестокъ. Эти ваши санитары всѣхъ и моихъ ребятъ перетаскали. Чортъ знаетъ что такое! Ага! Якимченко. — мой. Что, контуженъ? Знаешь мы это. Дайте ему тамъ что-нибудь, и чтобы явился. Больше никого... Нѣтъ, стойте, Подгорный — тоже мой. Раненъ въ руку. Царпина? — Оторваны три пальца. — мрачно заявляетъ докторъ.

ЖИЗНЬ

№ 52. Выходитъ ежемѣсячно (52 №№ въ годѣ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содержи. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИКА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр. Выданъ 26 декабря 1915 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—3 р., на 1/2 года—4 р., на 1/4 года—2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

Открыта подписка на „НИВУ“ 1916 г.

Съ приложеніемъ 40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, въ которыя войдетъ:

Д. Н. МАМИНЪ-СИБИРЯКЪ (вторая серия книгъ)

А. П. ЧЕХОВЪ (новыя посмертныя сочиненія)

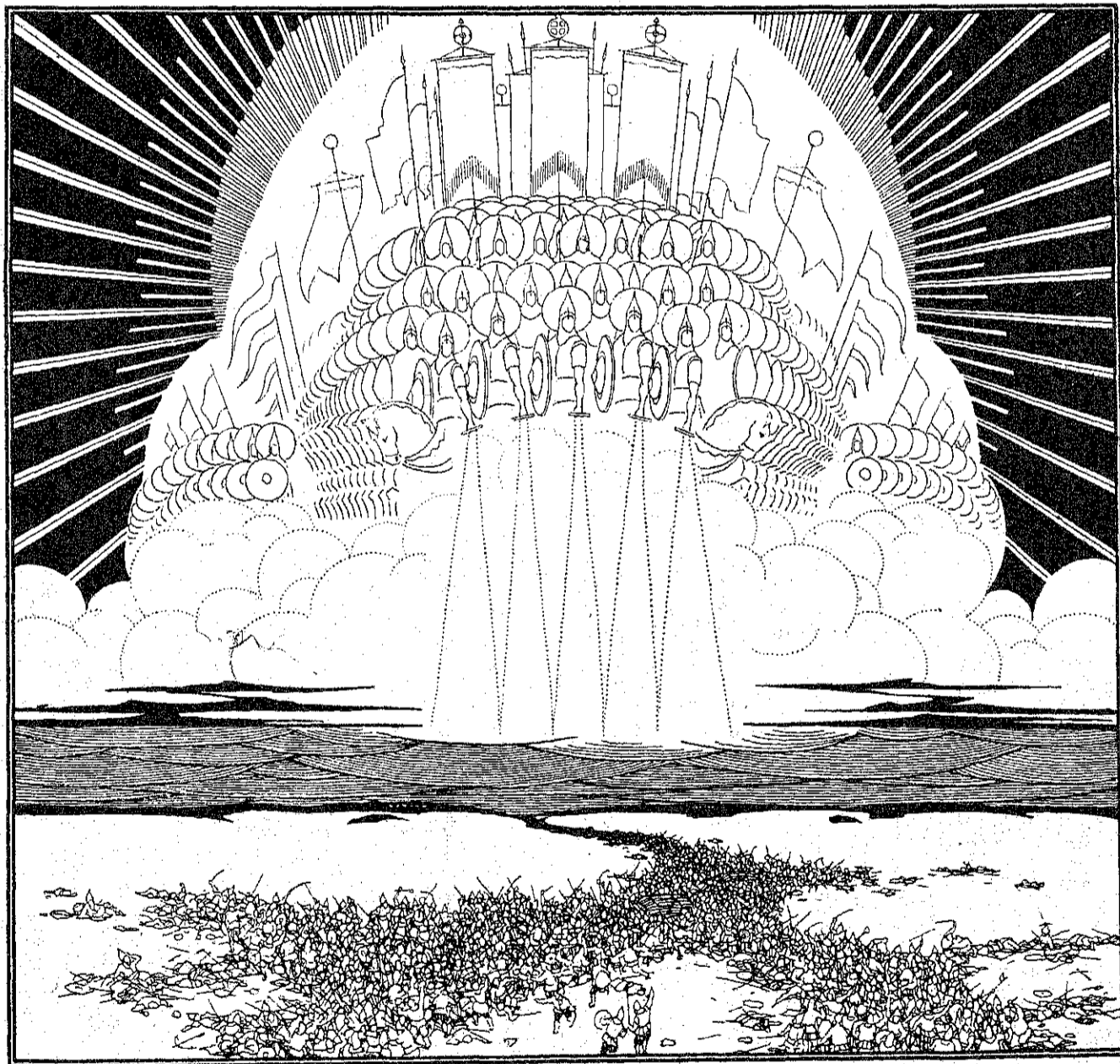
Н. Г. ГАРИНЪ-МИХАЙЛОВСКІЙ (полное собр. сочиненій)

„БИБЛІЯ БЕЛЬГИИ“ (Романъ ШАРЛЯ ДЕ-КОСТЭРА)

(„Уленсгигель“)

12 книгъ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ и ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ“ и проч.

2 НОВЫЯ СПЕЦІАЛЬНЫЯ КАРТЫ ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ (двухъ фронтовъ: 1) западнаго (русскаго), размѣромъ 61×95 сант., въ масштабѣ 47 верстъ въ дюймъ и 2) западно-европейскаго, размѣромъ 55×85 сант., въ масштабѣ 24 версты въ дюймъ. Обѣ карты въ 6 красокъ, подъ ред. проф. Ю. М. ШОКАЛЬСКАГО.



Въ вихрь бури, на небѣ, надъ мятущейся степью вдругъ встала Божья рать...

Рисунокъ Сергѣя Лодыгина къ рассказу „Наказаніе“ А. А. Дунина.

ДѢТИ И ВОЙНА.

Очерк К. Чуковского.
(окончание).

VI. ДѢтскія игры въ войну.

Въ дѣтскихъ баталіяхъ все драматично, героично, эффектно, весело, шумно. Мысль о страданіяхъ и мукахъ совершенно не проявляется здѣсь.

Если эти игры освободить отъ экзессовъ (а для чего же и существуютъ родители?), то и въ нихъ мы увидимъ все ту же радужную романтику боя, безъ всякихъ будничныхъ, унылыхъ сторонъ.

Ахъ, эти дѣтскія войны! Я страдалъ отъ нихъ цѣлое дѣло. Только-что начнешь заниматься,—войны, стenanія, крики! Отъ трехъ до восьми часовъ вечера все дѣтское население мѣстности превращалось въ толпу сумасшедшихъ. Съ пьяными безумными глазами, ничего не видя, не слыша, дѣти въ трансѣ волелись по улицѣ, вооруженныя всякимъ дреколемъ, изъ котораго они непрерывно стрѣляли: пу-пу-пу!—и нужно было видѣть ту длинную, визгивую дѣвочку, которая въ воинственномъ экстазѣ скакала впередъ всего полчища въ качествѣ вожди-командира! Съ растрепанными волосами, какъ фурія, эта восьмилѣтняя Жанна д'Аркъ самозабвенно налетала на врага, нервически-пронзительно всхлипывая, и, кажется, попадись ей въ ту пору родная сестра или мать, она не пощадила бы и ихъ.

Больно вспомнить этихъ испуганныхъ дѣтей.

Я вслушивался въ ихъ дикіе возгласы, мѣшавшіе мнѣ заниматься, и, чтобы утѣшить себя, вспоминалъ, сколько въ разныхъ педагогическихъ книгахъ сказано злого и колкаго о дѣтскихъ военныхъ забавахъ.

Взялъ съ полки знаменитую книгу Перс и прочиталъ съ удовольствием:

— „Когда на улицѣ я вижу мальчугана, украшеннаго военной фуражкой, эпюлетами, португеей и саблей, мной овладѣваетъ не смѣхъ, а состраданіе и жалость“.

Перелисталъ двѣ страницы и снова прочиталъ съ наслажденіемъ:

— „Разумная педагогика не должна допускать, чтобы въ рукахъ у дѣтей были сабли, барабаны, трубы, словянные солдатки и картонныя кавалерійскія лошади, ибо все это предрастворяетъ ребенка въ маніи военныхъ забавъ“ *).

А на улицѣ гремѣло: „урра!“

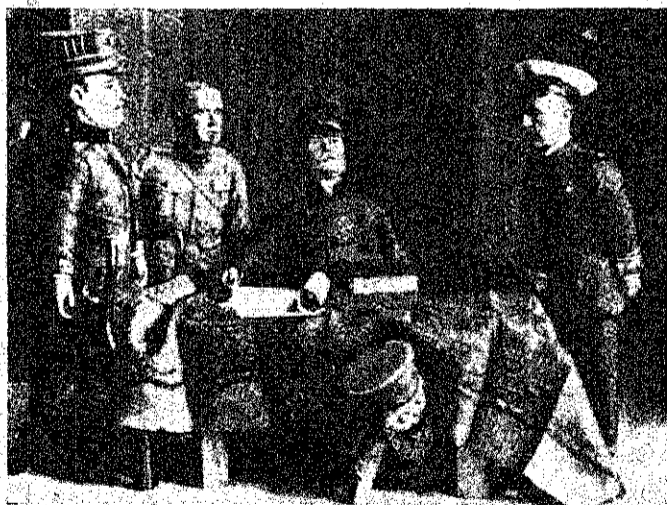
Но все же я не изъ тѣхъ чудаковъ, которые противъ дѣтскихъ баталій, противъ дѣтскаго боевого азарта (конечно, не такого чрезвычайнаго). Безъ этого дѣтямъ нельзя. Пусть себѣ сражаются съ пѣвцами! Я зналъ одну милую мать, которая, увидѣвъ въ окно, какъ дѣти атакуютъ стогъ сѣна, крикнула яростно:

— Мальчишки, перестаньте безобразничать! Я вѣдь запретила вамъ милитаризмъ.

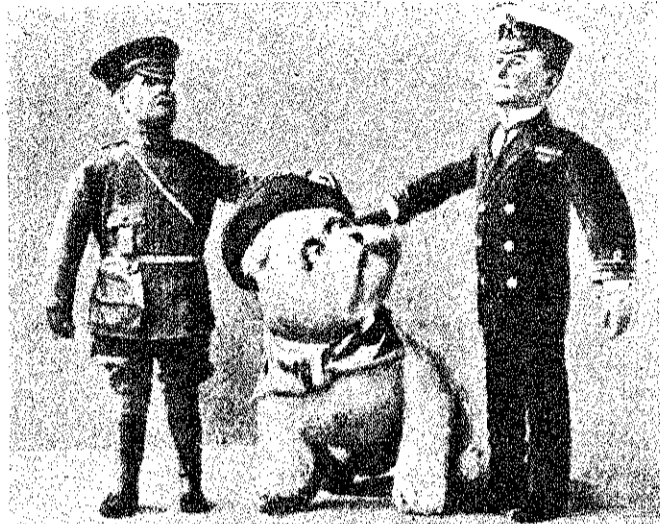
Мальчишки продолжали играть.

Эта матрона поступила бы правильнѣе, если бы заодно „запретила милитаризмъ“ германцамъ и прочимъ воюющимъ націямъ, ибо дѣти—подражатели ярые, и имѣя предъ собой столь соблазнительный ежедневный примѣръ, не могутъ не слѣдовать ему въ своихъ забавахъ и играхъ.

*) Perez, „L'éducation des le berceau“.



Любимыя игрушки англійскихъ дѣтей.
Военный советъ: за столомъ сидятъ король Альбертъ, генералъ Френчъ, генералиссимусъ Жоффрѣ и адмиралъ Джеллико.
Подъ столомъ—нѣмецкій шпионъ.



Любимыя игрушки англійскихъ дѣтей.
Генералъ Френчъ, адмиралъ Джеллико и британскій бульдогъ.

Дѣти поварами играютъ въ поварами. Дѣти докторами играютъ въ докторовъ. Первымъ для игръ необходимы кастрюли, вторымъ—ланцеты и скалки съ лѣкарствами.

Солдатскія дѣти играютъ въ солдаты, а много ли теперь не солдатскихъ дѣтей!

Игра въ солдаты современному мальчику такъ же необходимо, какъ ѣсть или пить.

Если онъ не увлекается этой игрой, значитъ—онъ ненормальный ребенокъ.

Эту его страсть мы, конечно, должны всячески ухриять и обуздывать, но искоренять ее совсѣмъ—невозможно.

Да и нужно ли ее искоренять?

Любовь къ побѣдѣ, инстинктъ къ преодолѣнію препятствій, духъ состязанія, соперничества,—въ правѣ ли мы подавлять эти свойства въ будущихъ, готовящихся людяхъ, которыхъ предстоитъ битва жизни?

Къ тому же въ развитіи каждаго мальчика бываетъ такая пора, когда онъ, повинувшись тайнымъ велѣніямъ природы, становится на время солдатомъ. Забудьте: на время, на очень короткий срокъ. Потому что безслѣдно проходитъ, и къ двѣнадцати годамъ вчерашній воинъ снова становится крошечкой.

Дѣло въ томъ, что, какъ доказали ученые, ребенокъ въ своей біографіи повторяетъ тѣ же этапы развитія, что и весь человѣческій родъ.

Ребенокъ, словно на быстро-бѣгущемъ экспрессѣ, продвигается съ начала въ конецъ тотъ путь, который въ теченіе тысячъ лѣтъ медленно проползло человечество.

Неизбежно, неизбежно въ жизни мальчика крошечное повтореніе той длительной исторической стадіи, когда древній мужчина былъ воиномъ, нападаемъ, подстергавъ, убивавъ **).

Вычеркните изъ біографіи мальчика эти атаки, разбѣжки, набѣги, перестрѣлки, военные кличи,—и выйдетъ нравственный кашка, уродъ. Если не въ солдаты, то въ разбойники, въ пираты, въ индѣйцы—мальчика такъ и тянетъ играть. И онъ долженъ переиграть эти игры, переболѣть этой странной болѣзью, чтобы избавиться отъ нея навсегда. Бываютъ же полезныя для организма болѣзни! Эта эпоха военного пыла нужна для гармоническаго развитія души. Правда, Джонъ Стюартъ Милль и Спиноза въ дѣтствѣ этихъ игръ не знали, но ихъ не знаютъ также и діоты, вырождающіяся, отсталыя дѣти.

— „Въ войну они никогда не играютъ!“ — пишетъ женщина-врачъ Д. В.—ая, наблюдающая медицински-отсталыхъ дѣтей. („Русская Школа“, 1913 г. №№ 5—6, стр. 99).

А для нормальныхъ дѣтей это почти неизбежно. И этого не нужно бояться: къ двѣнадцати, тринадцати годамъ ихъ воинственный пылъ исчезаетъ и замѣняется другими влеченіями.

Это переходная, временная болѣзнь, но берегитесь вогнать ее внутрь!

Такъ что не слѣдуетъ слишкомъ пугаться, если дѣти иногда и поважуютъ, тѣмъ болѣе, что игры въ войну суть игры хорошия, общественныя, развивающія въ дѣтской душѣ тысячи превосходнѣйшихъ качествъ: энергію, ловкость, любовь къ дисциплинѣ, чувство товарищества, привычку подчинять свою личную волю воли групповой, коллективной.

*) Научно эта мысль выражается такъ: онтогенезисъ есть повтореніе филогенезиса; т.-е. развитіе индивида повторяетъ этапы родового развитія. Интересующихся этой теоріей отсылаю къ замѣчательной книгѣ проф. А. Ф. Чемердежа „Дата“, томъ I, гл. IV.

«Пріученіе жить въ обществѣ и дѣйствовать обществомъ— великое благо, которое несетъ съ собою общественная дѣтская игра всѣмъ участникамъ въ ней, чего нельзя ни въ какомъ случаѣ получить отъ одиночной, самой затѣливой, игры»,— говоритъ проф. П. Ф. Каптеревъ.

Много въ этихъ играхъ забавнаго.
— Ты меня не трогай, Друсица, и нейтралитетъ!— кричитъ девятилѣтняя Паточка.

Но если не слѣдуетъ искоренять эти игры, то нужно ли ихъ поощрять? Нужно ли разжигать въ мальчикахъ этотъ воинственный пылъ?

О, нѣтъ! Вѣдь мы рады того и воюемъ, чтобы эти маленькіе Куки и Бобы, когда они станутъ большими, не несли у себя на плечахъ стальную, жѣсткую лону дредноутовъ, сверхъ-дредноутовъ, почеловѣчески огромныхъ орудій! Мы воюемъ, чтобы не было войны!—въ этомъ высшей идеалистической мысли нѣтъ никакихъ кровавыхъ катастрофъ. Чтобы нанять Кукамъ и Бобамъ больше не пришлось воевать!

VII. „Польза“ войны.

Но, въ чемъ же то доброе воздѣйствіе войны, о коемъ я столько твержу?

Въ одномъ иностранномъ журналѣ я видѣлъ такую картинку: Цѣлая вереница дѣтей тянется къ какому-то дверямъ. У каждого въ лукочкахъ, въ корзинкахъ—нѣсколько куриныхъ яицъ. Они подносятъ ихъ какому-то мужчине, который ласково склонился надъ ними. Это милый британскій дѣти, которые рѣшили собрать въ одинъ день миллионъ яицъ для раненыхъ солдатъ. Непремѣнно миллионъ, не меньше!

Ребенокъ участвуетъ въ государственномъ дѣлѣ— въ продовольствіи увѣчныхъ и раненыхъ. Онъ пріобщается къ общественной жизни. Воображаю, какъ кончатъ они свою скупую мѣду, отказываясь себѣ въ леденцахъ, чтобы купить побольше яицъ и своими крохотными ручками накормить побольше солдатъ.

Когда—до этой всемірной войны—можно было мечтать о такомъ единеніи дѣтей для такого великаго дѣла?

А теперь съ пароходомъ „Язонъ“? Вы помните этотъ изумительный дѣтскій корабль.—„Корабль Святочнаго Дѣда“.—посланный американскими школьниками своимъ заокеанскимъ товарищамъ? Дѣти спарядили огромное судно, наполнили его доверху подарками и отправили европейскимъ спотамъ, потерявшимъ отцовъ на войнѣ. Что могутъ даже малолѣтнія дѣти, если они гѣбно едятъ? И главное, эти подарки были приготовлены ими самими. Они сами и клеили, и строгали, и шили, все сдѣлали своими руками.—рубанонки, витаники, игрушки.

Ихъ сочувствіе далекимъ, невѣдомымъ сверстникамъ, которыхъ они никогда не видали, вылилось въ активную форму: ихъ помощь была трудовая, рабочая. И тѣ, кто направляли ихъ въ этой работѣ,—сколько прекрасныхъ, возвышенныхъ чувствъ взлѣдѣли въ дѣтскихъ сердцахъ! Такъ что, если бы эти подарки оказались для европейскихъ дѣтей и ненужными, они все же были насущно нужны для самихъ американскихъ дѣтей, какъ драгоценнѣйшее воспитательное средство.

Хвала американскимъ педагогамъ, возвращающимъ въ дѣтской душѣ чувства всемірнаго братства! Трудовое участіе дѣтей

въ міровой общечеловѣческой жизни есть предѣлъ педагогической мудрости. Не даромъ американскіе учителя и наставники почитаются лучшими въ мірѣ. Не даромъ наука о воспитаніи дѣтей стоитъ въ Америкѣ на высотѣ непревзойденной. Не даромъ это—страна педагоговъ, страна Стенли Холла и Вильяма Джемса.

Война вызвала не только жестокость, но и любовь и участливый трудъ. Это-то и радуетъ меня.

Развѣ не весело видѣть (см. стр. 966) этихъ паравенныхъ англійскихъ школьничковъ, которые, сговорясь межъ собою, принесли въ день національнаго праздника по мѣльному пени (по четыре копейки) въ пользу солдатъ и матросовъ! Собралась колоссальная сумма, ибо не было во всей Имперіи школьника, который не принесъ бы мѣдика.

Развѣ не весело читать, что въ селеніи Туровскъ, Подтавской губерніи, школьники съ двумя учителями направились къ помещику Н. на работу,—на уборку картофеля, и, заработавъ 16 рублей, отдали ихъ въ пользу раненыхъ!

Развѣ не пріятно въ письмѣ гимназистки встрѣнуться на такіе слова: — „Мы рѣшили пить чай безъ сахара, а сахаръ приносить въ классъ и бросать въ мѣшокъ; за недѣлю мѣшокъ наполнился доверху“—и, конечно, достучаться въ лазаретъ.

Здѣсь первые уроки гражданственности, и слава Богу, что учителя поощряютъ такіе поступки дѣтей.

Въ какой-то деревнѣ учитель замѣнилъ, что ребята бѣгаютъ на близлежащую станцію, чтобы посты нѣсколькихъ часовъ ожиданія поднести провѣзжающимъ раненымъ коробку панировъ или осымку махорки.

Учителю это очень понравилось, и онъ не захотѣлъ, чтобы драгоценныя чувства дѣтей растаяли, не растаяли эти. Вѣдь онъ обрадовалъ ихъ сообщеніемъ, что при школѣ будетъ открытъ лазаретъ. О, съ какою вдохновеніемъ, съ какою несказанной гордостью дѣти принялись за работу для своихъ собственныхъ раненыхъ: чистили, шили, стирали.

Даже мальчики взялись за иголку, хотя дотолъ презирали шитье, называя его бабьей работой.

Самые маленькіе тоже просили: „дайте намъ пошить что-нибудь“,—и такъ немилосердно все портили, что къ вечеру приходилось переделывать заново то, что было сдѣлано днемъ.

Но вотъ прислали вѣлое на подушки для раненыхъ, надо было его расшить. „И эту работу мы дали мальчикамъ,—разказываетъ учитель А. Красковъ.—Надо было видѣть эти ролики, внимательныя, сосредоточенныя, всецѣло поглощенныя своей работой. Мальчики другихъ отдѣленій завидовали имъ, и то и дѣло приходилось отказывать въ просьбѣ дѣтей „пошлять вѣлое“, такъ какъ малыши ни за что не соглашались уступить даже самой малой части своей работы. Это была ихъ работа!.. Черезъ вѣдло привезли въ нашу школу раненыхъ. И при видѣ этихъ сѣрыхъ фигуръ съ бѣлыми повязками черезъ плечо что-то дѣлаемое въ нашихъ душахъ такое, отъ чего сердце сжималось жалостью, и хотѣлось сдѣлать что-либо пріятное, чтобы улыбнулись эти хмурья, истомленные лица. И дѣти старались дѣлать...“

Вотъ она, война-воспитательница! Словно стараясь заглядить въ неслучайныя раны, которыя она нанесла и наноситъ неза-

*) Журналъ „Народное Образованіе“, 1914, ноябрь, стр. 386, 387.



Нынѣшнія дѣтскія игры. Казнь германскаго шпона.

инициальной детской души, она вдруг становится ласковой и кроткой воспитательницей, изысканно ведущей детей к двоякой, творческой жажде!

Лучшей воспитательной мэтры не выдумавши, как открыть при школе лазарет!

Дети научатся здесь энергичной, хлопотливой, прилежной любви не к тому отвлеченному ближнему, о котором говорится в хрестоматиях, а к конкретному, реальному, вот этому...

Чуть только раненые прибыли в школу, девочки принесли изъездя яблоков и коробку конфет, а мальчики — четыре пачки папирос и спичек.

И в перемену, — сообщает учитель, — я быть свидетелем того, как дети сами носили эти подарки раненым, как раненые были рады, и как озорниче их лица улыбками...

Через два дня и должен был посоветовать детям принести папирос поменьше, а взамен их что-нибудь другое, более нужное сейчас. Решили, что надо принести почтовой бумаги, конвертов. Собрали по копейкам, купили пачку того и другого и отдали раненым.

И дальше не было дня, чтобы дети что-нибудь не приносили раненым.

Когда раненые невозможно обжились, они запросили „что-нибудь почитать“. При школе была детская библиотека, и мы стали отдавать раненым книги. Но дети и тут не остались зрители: в одно утро вижу какую-то грудку всевозможных книг. Оказывается, дети собрали дома домашние книги и принесли раненым.

Вот где главная „польза“ войны! Только такой педагогикой мы можем хоть частично обезвредить то адское, злое, что за эти кровавые месяцы внесли мы в души детей. Попытаемся эту отраву превратить для детей в лекарство. Изъездя злобы



В день национального праздника все английские школьники принесли с собой в школу по одному медному пенни (около 4-х копеек) в пользу солдат и матросов. Составилась очень крупная сумма.

и ненависти извлечем уроки любви и всякие другие уроки, — ну, хотя бы географию, историю...

Здесь будет новая „польза“ войны: ведь военная карта изучена малышами блестяще, ведь иначе они поголовно — географы! Ведь, если мне нужно найти какой-нибудь пустынный городишко, которого даже в атласе нет, и обращаюсь к десятилетнему мальчику! Ведь миллионы маленьких рук выкают ежедневно миллионы разноцветных флажков в какие-то мушкетерские точки, обозначенные на географических картах. (И характерно: русские флажки выкают на них только вперед; отступлений никаких не полагается!)

В Ирландии учителям географии предписано особым циркуляром: „в видах оживления школьной работы, воспользоваться детьми интересом к войне“ и побольше рассказать мальчикам о позициях флотов, о торговых и военных портах, о Средней Азии, о разных путях сообщения *).

Преподаватели истории тоже должны быть благодарны войне. Она — их величайший помощник. Политические взаимоотношения держав изучены учениками до тонкости. И как презирает Кука свою простоватую тетку, которая, читая газеты, каждое утро спрашивает:

- А Пруссия — за нас?
- Да нет же! Против!
- А Германия?

Что подбрасать ей бездельной старухой! Кука в ушах от ее неразумия, топчет на нее ногами, кричит:

Дети нынче доподлинно знают, что думает Швеция, и что замысливает Голландия. Для них нет дипломатических тайн. Все страны для них, особенно для малышей, — как-то живые существа, либо очень милые, либо до омерзения гадкие. Карту Италии они рады приласкать и поглядеть, а карту Германии бьют кулаком.

Десятилетний Володя, у которого умерла бабушка, был безутрачен на кладбище. Ничто не могло его вывести из оцепененной печали. Он был в каком-то столбняке меланхолии. О чем я ни заговаривал с ним, он — никакого ответа. Вдруг и мимоходом сказал:

— Ну, как тебе нравятся Болгария?

— Да, да! — восторженно он. — Скверная, недобрая Болгария... Русские освободили ее, а она... Вот уж именно придурился злобу...

Мы заговорили о „политике“, и горе его прошло. Детское пристрастие к той или этой стране иногда воплощается в самых удивительных формах.

Так лондонские дети собрали в пользу сербских спотов изрядную сумму денег, чтобы построить для них убежище. А двести малолетних французов из знаменитого лицея Кондорсе обратились к английским детям с такой красноречивой воззванием:

— Ваши отцы, приди во Францию сражаться против германского варварства, во имя народных прав, заслуживая вечную нашу признательность. Долг чести повелевает нам отблагодарить их за это — хотя бы собственной жизнью. Клянемся исполнить наш долг!

Международные сношения детей — любопытная черта нашей эпохи. Здесь опять-таки „польза“ войны. Идея международных союзов, бывшая до войны безплотной, нынче стала чувством, эмоцией...

Но не только география, история, политика сдвинулись по-новому приманчивы для захваченных войной детей. А также механика, техника. Вы посмотрите, как на детских рисунках нарисованы гидроплавы, броненосцы и



Необходимый!
В Брюсселе. Бельгийский мальчик показывает немецкому офицеру язык.

* См. в „Русской Школе“, 1915, IV статья Чарльза Мака Корли „Война и школа в Америке“.



Брюссельские уличные мальчуганы дразнить немца-часового.

пушки! Какие знатоки! Профессора! Вот мальчишки подробней различных систем отвлечены с изумляющей точностью. Напрасно взрослые не желают использовать эти влечения детей. Мало ли каких панноделей и живописцев могли бы они незаметно поддуть ребонку, увлеченному мортирам, фугасам.

Здесь еще одна „польза“ войны. Стоп! можно подумать, что эта война только затянута и ведется, чтобы педагоги извлекли из нее побольше воспитательных истинностей.

Впрочем, в Америке уже давно из войны сдвигали предмет обучения: нельзя же упускать такой редкой случай выдрать легко и свободно из детей самые разнообразные знания!

Во многих школах заокеанской республики война стала таким же уроком, как арифметика, чистописание, рукоделие, — и что только не изучается на этом уроке! Влияние войны на торговлю, история славянских народов, статистика финансовых убытков, гигиена, экономика, тысячи всевозможнейших тем! В каждом штате своя программа, в одном принадлежи на одно, в другом на другое, по вкусу, но все одинаково ревниво блюдесть, чтобы в дтиях не разучь, не дай Бог, злобных, ненавистнических чувств („Русская Школа“, апрель, стр. 111).

Так, всемирная рать педагогов, в Англии, в России, в Америке, с помощью каких-то чудотворно-ужасных приемов, преобразует роковым влиянием войны в добрых и плодотворных.

Да будет им благодарность навьки!

VIII. Золотые сердца.

Итак, почему же огчаняться? Оказывается, здесь хоть и много плохого, но еще больше хорошего. И хорошего больше гораздо!

Разв это плохо, что шестилетняя девочка (как уж было напечатано в „Иви“*) молилась за врага, за Вильгельма.

— Отчего же ты молишься, Катя?
— Оттого, что за него никто не молится. Я прошу Бога, чтобы Он простил императора Вильгельма, который стьладь войну.

Такому ангельскому сердцу не страшна никакая отрав.

И как не восхищаться той девочкой, которая сама, без влияния взрослых, сочинила такую молитву:

„Богъ свидать, чтобы люди жили смиренно, дружно, мирно, никогда не ссорились, и не было бы ни одного несчастного человека, и не было бы войны!“

„Помилуй насъ, Богъ родимый,
Будемъ мы Тебѣ молиться,
Пока не кончится война.“

Такое обращение к Богу тем более разительное в девочке, что ее родители чужды религии. В домъ шла служанка, которая могла бы повлиять на ребенка. Ее родной отец, придавший мне эту молитву, удивляется, откуда она*).

Впрочем, у девочки это кербское чувство.
— „Дай Богъ, чтобы война скорей кончалась, и все люди были бы не врагами, а друзьями!“ — написала солдатамъ в окопы одна семилетняя девочка („День“, 1914, № 281).

Много такихъ возвышенныхъ чувствъ вызвала в дтияхъ война. Мы можем гордиться и радоваться: „моральный экзаменъ наши дти стали превосходно, обнаружив истинно-золотые сердца!“ — такъ утверждаетъ и русский ученый В. Зиньковский, обследовавший вьметѣ со своими студентками около ста малышекъ. — Война не внесла огрубения в дтскую душу. — таковъ его окончательный выводъ.

Иногда кажется, что ребонки — приращенный националь.

Сколько народу погибло,
Сколько людей перебито,
Сколько осталось навьки больныхъ,
Сколько калѣки будетъ вь мирѣ! —

ишетъ Валя, институтка двенадцати лѣтъ, на присланной мнѣ ей отцомъ бумажонкѣ. А Шура, семилетняя дочка солдата, даже придумала планъ, какъ прекратить войну.

*). Кроме собственныхъ наблюдений надъ дтиями вь многихъ школахъ журнальныхъ статей, материаловъ для постоянного очерка послужили 24 письма изъ разныхъ концовъ России, полученныя мною отъ родителей, изъ которыхъ вь около года назадъ обратился съ усердвйшей просьбой издатель со мной своимъ опытомъ. Жаль, что этихъ писемъ такъ мало. Не желаятъ ли читатели „Иви“ сообщить мнѣ вь редакцию журнала свои наблюдения надъ отношениемъ ребенка къ войне?



Вь школу! Вь селахъ и городахъ Lotaringin, разрушенныхъ до тла немцами снарядами, дти, какъ ни вь чемъ не бывало, регулярно отправляются вь школу: выползаютъ каждое утро изъ подваловъ, погребовъ, подземелій. Страшныя груды развалинъ, встречаемыя ими на пути, доставляютъ имъ не мало удовольствія: тамъ такъ весело играть вь прятки.

— Зачем же драться? Драться нехорошо же... сказала она однажды отцу. Мама будет плакать, я тоже буду плакать, и тогда папы тоже девочки будут плакать, и мама той (иностранной) девочки тоже будет плакать. Нет, мы с мамой тебя, папа, драться не пустим.

— Как же не пустим? Тогда неприятель придет и убьет нас!

— Нет, неправда, папа. Когда придут к нам дяденьки, и им, и скажу: наша мама драться не будет, а вы идите домой, возьмите своих девочек и приходите к нам кофе пить. А потом мы пойдем к вам, и будет хорошо. Мы, девочки, будем пить, играть, танцевать, а вы будете глядеть, но драться мы вам не дадим!

Объ этом оригинальном проекте прекратить войну посредством вмешательства маленьких девочек, при помощи «кофея», пьесы и танцев, поведал миф Шуринь отец, записанный Н. Р., в обширном, подробном письме. Я цитирую этот документ слово в слово, изменяя только его орфографию. Жаль, что несмотря на мою просьбу, он не ответил, сколько лет было девочке.

IX. Странные сторонники мира.

Итак, дети — пацифисты?

Несколько. Ярче рубаки, бойцы.

А если девочки и против войны, то, во-первых, на то они — девочки, а во-вторых, и среди них предостаточно самых азартных вояк.

Детский пацифизм особенный.

— Ах, когда бы кончилась эта война! — вздохнуть как-то за завтраком Боба.

Мы насторожились, приложили. Неужели пятилетний младенец, для которого война — не помеха, может мечтать об ее прекращении!

— Почему же ты, душевная, хочешь, чтобы прекратилась война? — поспирительно промолвил отец.

А тогда солдаты отдадут свои ружья нам, и мы тоже пойдем воевать.

Так, что под этим пацифизмом ребенка скрывался самый злой милитаризм.

Этот случай чрезвычайно типичен. Ребенок может повторять, как по-писанному, что война глупая, ужасна, а в душе быть Наполеоном, Суворовым. В статье проф. М. М. Рубинштейна приводятся забавные факты, как дети не признают войны. Один мальчик, семилетний, сказал:

— Я весь свой выигрываю (в лотерею) отдаю Вильгельму, только бы он перестал воевать.

А четырехлетняя Инна воскликнула:

— Молось, молось, никак не могу намолиться, чтобы война кончилась!

Казалось бы, чего определяться. Но все это иллюзия, мираж. По утверждению автора, картина совершенно сбивается, если внезапно спросить у этих милых сторонников мира, желают ли они воевать.

Все до единого отвечают: желаем!

Тот же В., собиравшийся упоротворить Вильгельма крупной суммой своего выигрыша, немедленно разгорается при мысли о своем участии в войне, и никакие доводы, включительно до убеждения, что он мал, беспомощен, и его убьют, не пролипают на него впечатлительны. Он в ответ на это храбро поясняет, как он увернется и сразит германца.

И так, все маленькие пацифисты.

Меньше, о чем они мечтают, это подавать пули, а то и служить разведчиками.

В детском собрании на вопрос, кто хотел бы участвовать в войне, все, не исключая и пацифистов, подняли руки.

Мальчики выразили желание быть разведчиками, подносить снаряды, еду и т. д.; девочки все — в сестры милосердия, некоторые даже при условии, чтобы работать на поле сражения.

Из всех речей детей видно, что им рлеуется увлекательная картина ихних подвигов, и что в их головы плохо укладывается мысль о том, что они сами могут пострадать, или утратить жизнь" («Вестник Воспитания», II, 23).

Странный, согласитесь, пацифизм. Тем не менее это очень нормально, естественно, иначе не может быть. Как и уже указывал выше, дети извѣтнаго возраста переживают ту древнюю стадию в развитии всего человечества, когда человек был бойцом. Прозвучат самые гуманные фразы о благе всеобщаго мира, они в душе солдаты-воеводы.

X. На войну!

Мудрено ли, что, повидавъ такому истинному, дети толпами бѣгут на войну?

Снова, постъ столькожъ вѣковъ, повторилъ детский Пресловый походъ. Вначалѣ это было эпидемией. Въ газетахъ ежедневно мелькали такія телеграммы о дѣтяхъ:

— «Вильна. Вѣжали на войну сынъ полковника Рубановичъ, режиссеръ вѣтнаго класса Вейманъ и сынъ вѣтнаго пристава Кармелитовъ».

— «Струховъ. Скрылись на войну гимназисты: сынъ дворянина Ю. В. Фредерихсъ 13 лѣтъ и его товарищъ Курдюковъ».

— «Москва. Скрылись отъ родителей съ дѣвкою понасть въ дѣйствующую армию гимназисты Герцетъ-Короленко и его сверстникъ Куревинъ».

Все это дѣти изъ высшаго круга. Крестьянскихъ же мальчиковъ бѣжало безъ счета. Объ нихъ не стану публиковать телеграммы. Въ Псковѣ ежедневно задерживали около десяти мальчишекъ. Въ первые шесть мѣсяцевъ изъ одной только Вильны ихъ убѣжало до сотни. Полонія, какъ говорится, сбился съ ногъ, разбѣжались ихъ и водворяя обратно. Обычно они бѣжали партиями, по три, по четыре человека. Зачѣмъ они стремятся на войну, никто изъ нихъ опредѣленно не знаетъ. Развѣ знаютъ перелетныя птицы, какая неизвѣтная сила тянетъ ихъ за тысячи верстъ! Древній неискоренимый инстинктъ!

Каждъ убѣжало на край свѣта, жажда приключеній и подвиговъ, которая какъ-то атавистическия третью пробуждается въ каждой десятилѣтней душѣ, пшнѣ находитъ свое утѣленіе только на кровавыхъ поляхъ.

Майнъ-ридовекіе скальпы, пазнасы, мустанги, москиты, термиты съ успѣхомъ замѣняются фуфусами, бисанянами, ирапилью, блиндированными повозками и проч.

Монтигому, Истребитель Коготь, превратился въ удалого разведчика!

Дѣтской извѣтной романтикѣ указано новое поприще. Дѣтямъ кажется, что ихъ влечетъ патриотизмъ, хотя патриотизмъ, конечно, долженъ бы удерживать ихъ на мѣстѣ!

— «Я еду оборонять Польшу, которая мне дороже жизни!» — шепчетъ тринадцатилѣтній Адольфъ Якуманецъ.

А пятнадцатилѣтній Петя Ростовъ говоритъ своему отцу:

— Ну, теперь я рѣшительно скажу, какъ хотите... Я рѣшительно скажу, что вы пустите меня въ военную службу, потому что я не могу... вотъ и все...

— Ну, ну, — отвѣчаетъ отецъ. — Вотъ война еще! Глупости-то оставь... Учиться надо.

— Это не глупости... Все равно я ничему не могу учиться теперь, когда... отечество въ опасности.

И мы все улыбаемся: милый! И поэты слагаютъ въ честь этихъ милыхъ дѣтей хвалебныя, восторженныя оды. И въ дѣтскихъ книжкахъ мальчики-герои окружаются особымъ ореоломъ. Еще недавно и прочиталъ въ одномъ детскомъ журналѣ соблазнительную повѣсть «Добровольецъ», гдѣ мальчонка Алесаша Находный, зайцемъ проникнувшій на войну, героически задерживаетъ одного-единственнаго дѣвуху траншею отъ ибмдцевъ и... съ записи вѣхъ малолѣтнихъ читателей, — подучаетъ отъ начальства награду:

— Ну, Алесаша, — говоритъ ему ротный, — не я буду, если не выхлопочу тебѣ Георгія. Заслужилъ его.

— Вѣрно! Заслужилъ! — подхватили солдаты.

Гдѣ тотъ ребенокъ, который, прочтя эту повѣсть, не захочетъ убѣжать на войну! Почти въ каждомъ детскомъ журналѣ такія повѣсти — по нѣскольку; и похоже, что взрослые всякимъ способомъ развѣдываютъ въ дѣтской душѣ эту опасную страсть.

Вышла даже специальная книжка А. Кайскаго «Дѣти на войнѣ», гдѣ такъ аппетитно смакуются подвиги юныхъ героев, что жалко, почему этому автору больше двѣнадцати лѣтъ, и онъ не можетъ убѣжать на войну. И въ литературѣ и въ жизни установлено къ этимъ «дѣтямъ-героямъ» какое-то ходульное, фальшивое, сладкое до приторности отношеніе, которое мнѣ кажется грѣхомъ.

— «Славныя русскія дѣти растутъ въ этой войнѣ, — скандируетъ одинъ газетный писатель. — Имъ впрокъ и ливень, и холодъ, и сумерки. Подъ Августовомъ, подъ Осовцомъ, подъ Люблиномъ вылетали эти соколки и помогали старшимъ. Ихъ глаза ослѣпы, и шупальце они, но желѣзные когти у нихъ и жезлѣвый клювотъ».

Все это весьма патетично, но позвольте же мнѣ громко и рѣзко выказать свое возмущеніе.

Какъ смѣетъ мы, взрослые, опытные, завлекать дѣтей подъ оковы!

Неужели наша армія такъ ужъ слаба, что нуждается въ помощи маленькихъ?

И что мы скажемъ имъ, когда они вернутся домой искалѣченныя? Какъ мы имъ посмотримъ въ глаза?

Пользуясь ихъ дѣтскимъ романтизмомъ, мы оставились дома, въ уютѣ, — послали ихъ вмѣсто себя въ пекло, на адскую муку. Книжками, картинками, стипендіями зазывали ихъ туда, заставляли заманивали, потакали ихъ дѣтскимъ фантазіямъ, подстрекали ихъ къ непосильному подвигу.

И что за вздоръ, будто все эти мальчики такъ благодѣтельными для русскаго воинства! Напротивъ, они часто помеха, лишняя обуза, тягота!

— Они мѣшаютъ. Они создаютъ неудобства! — жалуются одинъ офицеръ въ бесѣдѣ съ газетнымъ сотрудникомъ. — Ихъ рады бесполезны, и бесполезна ихъ смерть. Дѣтямъ не мѣсто на войнѣ. Имъ надо учиться... Неужели не странно, что Россія, которая можетъ выставить шестнадцать милліоновъ солдатъ, имѣетъ въ рядахъ своихъ войскъ дѣтей! Попадетъ такой малецъ въ плѣнь къ ибмдцамъ, и тамъ воспользуются имъ, чтобы показать войскамъ: «Смотрите, какъ истощена Россія! Дѣтей посылаютъ на войну!» («Русское Слово», № 269).

Корреспондентъ этой газеты разсказываетъ, какъ дѣти не выдерживая отъ позній курятъ махорку, нынствуютъ (!), мерзнутъ, голодаютъ, ругаются.



Дѣти и война. Союзники. Взятіе проволочныхъ загражденій. Картина С. Берга.



На мѣстахъ боевъ. Дѣти мѣстныхъ жителей, питающіяся остатками солдатскаго обѣда.

— Но дорогъ грабежомъ будемъ промышлять! — похваляется ичкеринский реалистъ.

— Чѣ-ѣ-ѣмъ??

— Грабежомъ!

Не даромъ наше военное ведомство въ особомъ министерскомъ циркулярѣ высказалось противъ доукомплектаціи дѣтей на войну. Английскій военный министръ лордъ Китченеръ тоже сказалъ матерямъ: „неожидите, покуда не вырастятъ!“ Всевозможныя педагогическія общества, въ самыхъ энергичныхъ резолюціяхъ, осудили эту эпидемію. Но для уличныхъ газетъ и для... дѣтскихъ журналовъ никакіе законы не писаны. Разжигаютъ, будоражатъ мальчишекъ! Вспомните бы, по крайней мѣрѣ, что самъ великій князь Константинъ Константиновичъ, глава военно-учебныхъ заведеній, столь часто воспѣвавшій боевое героичество, — и тотъ въ горячихъ стихахъ высказался противъ вовлеченія мальчишки въ войну:

...Молодцы и славны дѣла
Свершать лишь тѣмъ, въ комъ доблесть рещица:
Ей нужны трудъ, и знамя, и усилы.

Мудрыя, глубокія строчки. Ихъ нужно бы каждый день повторять многимъ нашимъ дѣтскимъ писателямъ, воспѣвающимъ героизмъ дѣтей. „Нѣтъ, дѣтскій героизмъ не есть героизмъ, — говоритъ этими строками поэтъ. — Героизмъ нужно выстрадать, героизмъ нужно излѣчать въ души за долгіе и долгіе годы. Для того, чтобы оказаться героемъ, нужно многое пережить, перечувствовать. Героизмъ можетъ быть только мужскъ, опытный, зрѣлый, съ „решительною доблестью“, а не желторотый итенецъ, у котораго еще не накоплено ни идеаловъ ни заветныхъ свѣтъ“.

Внутренняя сущность героя не можетъ быть доступна ребенку, — объ этомъ въ одинъ голосъ твердятъ всѣ изучавшіе психологію дѣтей.

Дѣти увлекаются лишь внѣшними атрибутами героя, показной, эффектной стороной его дѣланій. Ницетъ, одинъ педагогъ. — Поэтому героемъ для нихъ будетъ всякій человекъ, совершающій въ-что необычайное, независимо отъ того, хорошо оно или дурно: Натъ Пинкертонъ, Рованболъ, индійскіе вожди Гу-



Бѣженцы. Проголодались.

стана Эмара и Фенимора Кунера одинаково захватываютъ дѣтское воображеніе”^{*)}.

Только въ театральныхъ, драматическихъ формахъ рисуется дѣтское героичество.

Героичество не эффектное, будничное, намъ недоступно и чуждо.

И все ждали, не появится ли въ какомъ-нибудь дѣтскомъ журналѣ повесть о какомъ-нибудь мальчишкѣ Юшкѣ, который хоть не пошелъ на войну, но надѣлалъ куди больше подвиговъ, чѣмъ мальчишкѣ Димѣ, который пошелъ. Спасъ, напримеръ, свою мать отъ пожара, или братишку отъ бѣнзеной собачки, въ то время, какъ Дима болтался у всѣхъ подъ ногами, всѣмъ надѣлалъ, всѣмъ мѣшалъ, понаделъ непрерывно широкую и — безъ подвиговъ, оцѣненныхъ цѣлденкомъ, возвратился уныло домой.

Это была бы чрезвычайно полезная повесть, полезная и для дѣтей и для арміи.

Но

...Молодцы и славны дѣла
Свершать лишь тѣмъ, въ комъ доблесть рещица:
Ей нужны трудъ, и знамя, и усилы.

А Дима сиди дома и учись. Здѣсь больше героичества и подвига. Когда мальчишкѣ Вася хотѣлъ убраться на войну, учитель сказалъ ему такъ:

— А о родителяхъ-то ты, Вася, подумалъ? Видь ты одинъ у нихъ остался, твой братъ и такъ на войнѣ, кто же будетъ помогать, когда и ты уйдешь? Объ этомъ-то ты, Вася, не подумалъ?

— Нѣтъ, процентовалъ Вася.

— Такъ вотъ видишь ли, если бы у твоего отца и матери были другіе кормильцы, если бы ты былъ взрослый, сильный, тогда никто бы тебѣ не сталъ останавливать. Но теперь... Подумай-ка, Вася!

Вася, задумавшись, унылъ.

Черезъ нѣсколько дней онъ сказалъ учителю:

— Я не пойду на войну; мамка плачетъ, ну ее! — И, покраснѣвъ, добавилъ: — А я уже приготовилъ для дороги сухарей, пожитки перочинный и 50 коп. денегъ. А теперь я хочу отдать эти деньги на раненыхъ.

И съ этими словами онъ опустилъ въ кружку свои деньги...

*) См. предсѣдующую статью П. И. Волгодонскаго „Современная война и дѣтскіе восстанія“ въ сборникѣ „Дѣти и война“.

...даваемо при Святейшем
...льшей части епископата. Так
...как и военны власти. против воен-

В том же журнале я нашла любопытный рассказ, как
одного деревенского мальчика отпустили от брата на войну.
Рассказ этот написал сам мальчик. Я привожу его
полностью, так как, помимо своей интереснейшей темы, он
президает таким восхитительным, законченным стилем,
— трезвым, крестьянским, без вычур, что поэтнич становится
совсем за наш интеллигентский газетный язык.

Вот этот детский рассказ:
«Как я на войну хотеть». — Как войну объявили и все наши
занятые ушли на войну, я забле, и я стал у мамы про-
ситься на войну. А мама говорит: «ну, что ж? Ступай, мить не
жалко. Только надо сухарей посушить». Вот я маму и говорю:
«суши, мама, теперь сухарей». Мама говорит: «ладно, теперь
можно ложиться спать, а завтра посушу».

«Встал я на другой день рано. Мама ешит. «Мама, вставай,
да суши сухари!» — сказала я. Мама говорит: «сынок, я больна,
я не могу сегодня. Ухо завтра».

И так больно недёли мама по утрам была больна. Я пла-
кал, что сухарей мить не сушить, и хотеть идти без сухарей.
А мама говорит, что без сухарей прогонят с войны домой.

А потом пришло время идти в школу. Мама стал мени по-
сылать в школу. А я сказал: «я ведь на войну пойду, а в
школу не хочу». Мама и говорит: «дурак ты такой! На войну
тебя ногу и руку оторвут, и глаз выколют, и тогда офице-
ром тебя не быть. А выучишься в школе, а тебя отдадут в
город на офицера учиться. Тогда на войну и пойдешь».

«Так и угорюль мени
мама не идти на войну».

XI. Деревенскія дѣти.

Последние два эпизода
взяты из жизни деревен-
ских детей, а это совер-
шенно особы дѣти, непо-
хожа на дѣтей городских.

Спросите о войнах го-
родского, интеллигентного
мальчика, и он заара-
торит вам про Бельгию,
про нейтралитет, про дре-
ноты, про тактику, стра-
тегию, дипломатию.

А спросите о войнах у
деревенского, и он заго-
ворит о издорожавшем
овец, о каких-то сапо-
гах, о закрытых магази-
нах, о новом наборѣ и
проч. Только о домашнем,
о насущном.

Рядомъ съ ними наши
дѣти — Хлестаковы. Их
мысли легковѣсны и без-
почвенны. Имъ несвой-
ственна дѣловитость, хо-
зяйственность. Война повернулаъ къ нимъ нарядной стороной,
декоративной.

Для нихъ это праздникъ, — шумъ и кровавий, а для крестья-
нскихъ дѣтей это будни, работа, забота. Для первыхъ дѣсь —
позвя, для вторыхъ — почти исключительно проза.

Городскія дѣти въ своихъ сочиненіяхъ и письмахъ витаютъ въ
области международныхъ трактатовъ, а деревенскія пишутъ:

— «Староста ходилъ по деревнѣ и объявлялъ солдатамъ идти
на войну. Когда повели солдатъ на войну, то все очень плавали».

Въ «Вѣстникѣ Воспитанія», по этому поводу, есть цѣлныя на-
блюдения Е. Звягинцева. Въ нихъ вынесенъ рельефно и четко
реализмъ крестьянскихъ ребятъ, вся будничность и дѣловитость
ихъ мыслей. Деревенскіе школьники спрашиваютъ: пьютъ ли
солдаты чай? чѣмъ они кормятся? гдѣ они спятъ? умываются ли?
соблюдаютъ ли праздники?

Финансовая подоплека войны занимаетъ ихъ больше всего.

— «Все стало дорожать, казна стала убывать, — пишетъ одинъ
мальчикъ-малороссъ. — На содержание войска надо много денегъ;
даже на каждого раненаго солдата надо много денегъ, потому
что надо поставить вонъ него милосердную сестру и доктора, а
вѣсь этимъ надо платить жалованье. Надо, чтобы у каждого
солдата были цѣлые сапоги, были теплыя рубахи и теплыя
шани. надо иметь пули, ружья и все военныя припасы, а для
этого надобы деньги».

«Жалованье», «денги», «казна» — дѣсь его главная тема.

Но не будемъ подбирать факты. Въ городѣ не ещюшь одинъ
романтики, въ деревнѣ — не ещюшь реалисты. Дѣти — повсюду
дѣти. Стоить этимъ десятилетнимъ Базаровымъ высунуть гурьбою
на улицу, какъ они каждый оный превратятъ въ Перемьяль,
каждую ворону — въ «ароплять».



Раздача обѣда дѣтямъ въ районѣ военныхъ дѣйствій.

Деревенскія дѣти вырастаютъ быстро: они скорее становятся
взрослыми, такъ что изучающимъ дѣтскую душу лужно обра-
щаться не къ школьникамъ, которые «уже совсѣтъ мужики», а
къ пятилѣтнимъ, шестилѣтнимъ малышамъ.

Къ сожалѣнію, этотъ возрастъ деревенскихъ дѣтей изученъ у
насъ меньше всего. Въ журналахъ о немъ — ни полслова. По-
этому я былъ бы весьма благодаренъ, если бы деревенскіе жители
собрали побольше свидѣній о самыхъ маленькихъ крестьянскихъ
ребятахъ.

Митъ такъ понравился маленькій Митыка! Я его никогда не забуду.
Митыка три года. Его тятка изъ австрійского плена. А мама
начала въ услубу странной. Чтобы подразнить эту женщину,
какой-то веселый работникъ взял газету и, бадуясь, прочиталъ
по складамъ:

— Въ Австріи всѣхъ плѣнныхъ за-ста-вили пожениться на
австрійкахъ... А Григорій Юковъ (Митыкинъ папа) же-нился на
кривой австрійкѣ, и хотя она и кривая, но постъ войны соби-
рается къ мамѣ въ Россію».

Насторожилась-было старика пошла, что это шутокъ и, ембясъ,
отвѣтила:

— Привези-ны они сюда ее, полусѣктивную, я ей остальной
глазъ ножомъ выковыряю!

Другой работникъ устроилъ изъ тринки куклу и подаль Митыкѣ:

— Вотъ, Митыка, отецъ тебѣ прислалъ брата-австрійка, корми
его и няньки, — постъ замуреныя прѣдѣть къ тебѣ другая мама,
кривая.

Митыка и секунду едва ли держалъ куклу, бросилъ ее на полъ
и, «одеревнѣвъ» зубы, неостово топталъ ее ногами. Потомъ при-
несъ топоръ и, съ трудомъ поднимая его, такъ въ куклу.

— Топоромъ его не убьешь! — совѣтовали Митыкѣ. — Онъ безъ
костей, ты его лучше утопи
въ ляханкѣ.

И Митыка послушался.
Съ зѣвскимъ выраже-
ніемъ въ лицѣ утопилъ
брата-австрійка въ ла-
ханкѣ съ помоями.

Эту ещюшу, происшедшую
въ деревнѣ Шумовкѣ, Сим-
бирской губерніи, сооб-
щаетъ мнѣ г. А. Н. Поповъ
въ длинномъ и подробномъ
письмѣ, которое, по своимъ
литературнымъ достоин-
ствамъ, могло бы составить
главу въ какой-нибудь
талантливой повѣсти.

А что же Кука, о кото-
ромъ я столько рассказыва-
валъ въ первой главѣ сво-
его очерка? Не знаю и знать
не могу, ибо такого маль-
чика не существуетъ, я
его никогда не видалъ.
Значитъ, я его выдумалъ?
Нѣсколько. Я просто со-
ставилъ его мозаичнымъ
изъ нѣсколькихъ русскихъ
мальчишекъ, о которыхъ мнѣ писали и рассказывали. Все рѣчи и
дѣла этихъ мальчишекъ записаны со стенографической точностью.

Въ заключеніе упомяну объ одной иностранной иллюстраціи
къ моему очерку (см. стр. 967). Она изображаетъ бельгийскихъ
дѣтей въ захваченномъ плѣнами Брюсселѣ. Дѣти маршируютъ
по улицамъ въ фантастическихъ солдатскихъ костюмахъ, и
дрязятъ плѣмчаныхъ солдатъ криками: «мы идемъ на Берлин!»
Пользуясь своей безнаказанностью, дѣти по-дѣтски оговариваютъ
германцамъ за своихъ оскорбленныхъ отцовъ.

И, маршируя по улицамъ, они могли бы расговаривать эту пѣсню:

Мы дѣти Бельгии несчастной!
Мы отъ земли видны едемъ,
Но захватили насъ врагъ несчастный...
Разъ-два, разъ-два!
Гроза гроиза надъ нашимъ краемъ,
Но въ дѣтствѣ радость все жина,
И мы вопрежнему играемъ...
Разъ-два, разъ-два!

Такою «Пѣсенку бельгийскихъ солдатиковъ» написала, ещюво
специально для этой картинки, Т. Л. Щепкина-Куперникъ. Ко-
чается пѣсенка такъ:

Но по ночамъ, уже въ постели,
Мы станимъ матери слово:
— «Жалко для великой вѣли!»
Разъ-два, разъ-два!
«О, ещюво, скорѣи расстаетъ,
И за поруганнаго дѣва
Врагу надменнѣшу отжеститъ!»
Разъ-два, разъ-два!